

СПЕЦНАЗ
ВДВ

Сергей ЗВЕРЕВ
ВЗРЫВНОЙ
КОКТЕЙЛЬ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев
Взрывной коктейль

«Научная книга»

2013

Зверев С. И.

Взрывной коктейль / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2013 — (Спецназ ВДВ)

Химик Сергей Меньшиков сделал научное открытие. Он синтезировал новый вид наркотического средства из растений, которые в изобилии растут в Африке. Российский криминальный олигарх решил на этом ноу-хау заработать. Он спонсировал экспедицию и отправил Меньшикова и его коллег в Анголу, где ученые сразу по прилете были похищены местным наркоторговцем по прозвищу Барон – подельником олигарха. Теперь участники экспедиции вынуждены заниматься изготовлением наркотиков под угрозой смерти. Об этом стало известно российским военным, и на помощь ученым срочно был отправлен отряд элитных бойцов под командованием майора Лаврова – легендарного Батяни.

© Зверев С. И., 2013

© Научная книга, 2013

Сергей Зверев

Взрывной коктейль

Таможенник оказался крайне подозрительным. Либо не выспался, либо получил нагоняй от начальства, либо таким был всегда, подозревая во всех вылетающих за границу соотечественниках негодяев или террористов. Шевелил усами и внимательно разглядывал стоящую перед ним женщину средних лет. Раз пять уже проверил сходство фотографии с оригиналом, заинтересованно поглядывал на чемодан в ее руках, наверняка собираясь и его проверить.

– Малышева Анна Ивановна?

– Да, это я, – женщина кивнула, не совсем понимая причины такого пристального внимания к ее персоне, но спорить с офицером не стала, прекрасно знала, что ни к чему хорошему это не приведет.

Таможенник наконец прекратил пялиться на женщину и в документ, закрыл загранпаспорт. Пошевелил усами, указал на чемодан.

– Откройте, пожалуйста.

Малышева не стала спорить, скрывать ей было нечего, оружие и наркотики не везла. Поэтому положила чемодан перед таможенником, открыла замки, откинула крышку и развернула к нему.

– Вот.

Таможенник заглянул внутрь чемодана, опять пошевелил усами, на этот раз с озадаченным видом, затем поднял глаза на женщину:

– Что это?

Она вздохнула. Принялась объяснять:

– Это оборудование для проведения полевых исследований.

– Вы вылетаете за границу что-то исследовать?

– Да. Я и еще четверо моих коллег, – она кивнула в сторону ожидающих своей очереди пассажиров. – Институт выделил средства на поездку, теперь мы летим в Африку для проведения исследований.

Институт, в котором трудилась Малышева Анна Ивановна, как и четверо других стоявших в очереди за ней человек, неожиданно расщедрился, решив отправить их в Африку. Ректор вызвал всех пятерых, торжественно объявил об этой новости, даже руки пожал. Дескать, поезжайте и исследуйте, товарищи, каждый может закончить работу над своими проектами, мешать никто не будет, да и чем мы хуже американских ученых, коих только в Россию не пускают, а так бы уже всю планету исследовали в микроскоп. На вопрос «чего так?» ректор сообщил, что крупная российская фирма решила поименатствовать, помочь отечественной науке, так сказать, ну и в случае успешных исследований и работ по созданию серии новых лекарств эта фирма заключит контракт с институтом на большую партию и все такое прочее, хорошее.

Прошли три дня сборов и подготовки, теперь между Африкой и учеными осталась только одна препона – усатый подозрительный таможенник. И чего он такой?

– Можете закрывать, Анна Ивановна, – вернул загранпаспорт офицер, показывая, что все в порядке и претензий больше никаких. – Проходите на посадку.

– Никонов Петр Сергеевич? – то же самое подозрение при взгляде уже на другого. – Так?

Следующим шел профессор, назначенный старшим в группе. Года имел солидные, как и ученую степень и накопленный жизненный опыт. Только вот отношение к властям было несколько иное, чем у Малышевой.

– Да, это я. А в чем дело? Я что-то нарушил?

Таможенник, прищурившись, смерил его взглядом, словно только и ждал повода или такого вот вопроса. Шевельнул усами, сравнил фотографию профессора с ним самим, но смолчал.

Никонов же молчал недолго. Начал критиковать бюрократию, власти, да и вообще обстановку в стране, при которой видному ученому нельзя спокойно выехать за границу для проведения исследований, в то время как богатеи и прочая братия малоприятная преспокойно разъезжают по всему миру и никто ей слова против не скажет. Более того – даже документы толком не проверяют.

Таможенник выслушал все это с каменным выражением лица. Указал на чемодан профессора:

– Предъявите ваши личные вещи для досмотра, Петр Сергеевич.

Тот прервался на полуслове. Демонстративно вздохнув, все же положил чемодан перед таможенником. Открыл.

Усы опять шевельнулись. Глаза пробежались по коробочкам, микроскопам, тетрадкам. Поднялись:

– Тоже исследовать летите?

– Да, я же вам об этом только что говорил. Институт выделил средства на поездку, теперь впятером собираемся вылететь в Анголу.

Усы чуть дыбом не встали. Брови поднялись. Глаза офицера сделались пошире:

– В Анголу?

– Ну да, а что в этом такого странного? – профессор не понимал, с чем связано изменение выражения лица. – Именно там произрастают необходимые нам виды растений. И именно только там мы можем встретить довольно редкие образцы... Впрочем, вам это знать ни к чему.

Таможенник придал физиономии прежнее выражение. Заметил:

– В Анголе довольно опасно, Петр Сергеевич. Там иногда стреляют.

Профессор отмахнулся:

– Ерунда. Война давно закончилась. Тем более какое нам дело до местных и воинственных? Нам важнее исследования, а там пусть хоть друг друга живьем съедят. Кто нас тронет? Мы – мирные ученые, нейтральная сторона, так сказать.

– Дело ваше, Петр Сергеевич, – таможенник вернул загранпаспорт. – Не мне вас учить, где опасно, а где нет. Можете проходить на посадку.

Профессор с недовольной миной закрыл чемодан, таможня все настроение испортила, когда же прекратится это безобразие, когда же наконец подохнет последний бюрократ, когда же? Тьфу!

Поспешил вслед за Малышевой, даже не оглянувшись на оставшихся коллег.

– Степанов Александр Петрович?

– Он самый.

Третий был помоложе. Трудился над диссертацией, собираясь в случае успешной защиты занять место потеплее-денежнее и уже работать спокойно. Втайне мечтал стать профессором, а кто не мечтает, намеревался ходить с важным видом, ясен перец, с толстым животом и гонять аспирантов, как французских недобитков в памятную всему миру суровую русскую зиму восемьсот двенадцатого года. Известие об отправке в африканские джунгли ошарашило, в институте были и более примечательные личности, но тем не менее возражать не стал, прекрасно понимал, что второго шанса отличиться не представится и удача улыбнется только тем, кто ее покрепче ухватит за хвост. К придиркам таможенника, – уже видел, как усатый общался с профессором и единственной женщиной в группе, – решил отнестись спокойно, опасаясь, что лишние действия с его стороны вызовут у таможенника какие-нибудь подозрения, кои не позволят вылететь из страны.

Поэтому заранее, без лишних слов, открыл свой чемодан и развернул его к офицеру; вот, мол, любуйся, усатый.

Тот естественно полюбовался:

– Тоже в Анголу?

– Да.

– И не страшно?

– А чего бояться? Насколько я знаю, в тех краях обязательно выделяют охрану и проводников. Да и какой толк местным бандитам нападать на ученых? Мы же не миллионеры и не противоборствующая сторона. Мы простые ученые.

– Ну как знаете, Александр Петрович.

– Я могу идти на посадку?

Таможенник кивнул, возвращая документы. Потом, глядя вслед, мысленно удивился такой беспечности соотечественников. Ангола – это не курорт, там либо сам убиваешь, либо тебя убивают. Третьего быть не может. А про местную охрану с проводниками можно сказать, что... в общем, лучше туда нос не совать.

– Иванов Игорь Васильевич?

– Ага.

Усы таможенника замерли, он задумался. Видел перед собой родственника Шварценеггера и точно такой же чемодан, как у первых трех. Не мог сопоставить увиденное. Никак не мог. С такой «рамой» и – ученый? Тут скорее на культуриста похож... а у тех, как известно, все мозги перетекли в мышцы. От природы таких мышц не бывает, значит, ученый из такого бугая никакой. Факт!

– Предъявите ваши личные вещи для досмотра, Игорь Васильевич.

Тот преспокойно раскрыл чемодан, развернул его, ожидал, когда злобствующий таможенник удовлетворит свое любопытство. В экспедицию попал совершенно случайно, вернее не случайно – подружка была дочерью ректора и вовремя встряхнула папашу – теперь он предвкушал отдых в джунглях, рассчитывал позагорать под африканским солнцем, там наверняка климат другой, не весенний, горилле рожу набить, а что касается работы над образцами – да когда она еще начнется? Неделя-две праздного безделья обеспечена. Московские холода доконали, хотелось поваляться под пальмой. Да и негритянки... негритянки давно уже волновали воображение, частенько являясь во снах.

Таможенник пробежался глазами по точно такому же набору вещей, как и у первых трех. Минуту, наверное, думал, потом поинтересовался:

– Тоже летите в Анголу?

– Да.

– Странно...

Здоровяк пожал плечами: к придирам относился равнодушно, прекрасно знал, что пропустят рано или поздно, не в первый раз приходилось проходить таможенный досмотр. Тем более ничего запрещенного в багаже не было. Можно и повыступать малость:

– Что в этом странного? Вполне законная научная экспедиция, документы оформлены правильно, никаких нарушений и задолженностей у меня не имеется, и я не понимаю причины ваших вопросов. Да, лечу в Анголу, да, самолетом компании «Аэрофлот», да, в составе группы. Еще вопросы есть?

Усатый прекрасно понял, что пассажир знаком с законом и может поднять нежелательный шум. Вернул документы:

– Можете проходить, Игорь Васильевич.

– Давно бы так.

Иванов, как пушинку, сдернул со стойки чемодан, направился вслед за уже прошедшими досмотр коллегами. Куртка обтягивала широченные плечи, при взгляде на этого здоровяка

действительно не подумаешь, что он трудится в одном из научно-исследовательских институтов Москвы, да еще и над диссертацией работает. Не слишком, правда, голову формулами забивает, но все же иногда бывают моменты. А то, что тренажерный зал посещает частенько, так это личное дело каждого: где ходить, что пить и о чем думать в свободное от работы время. Кто-то за книжками сидит, кто-то в монитор пялится, а кто-то за своей фигурой следит.

– Меньшиков Сергей Иванович?

– Да, это я.

Таможенник внимательно сравнил фотографию с оригиналом, улыбнулся. Пятый больше всего был похож на ученого. Очки, живость в движениях, огонь жажды познаний во взгляде, всклокоченные волосы из-под вязаной шапки. Наверняка долгими ночами работает, работает, работает над новым открытием, засыпая под утро, мечтает о Нобелевской премии. Да и чемодан такой же, как у предыдущих, можно даже не досматривать, по-любому содержит микроскопы, колбочки, коробочки, и тетрадошки.

Пограничник указал на чемодан:

– И вы в Анголу?

– Да. Наконец-то выпала возможность приступить к исследованию самолично отобранных образцов, а не того, что привозят в малых количествах.

Меньшиков среди институтской братии прослыл самым одержимым, профессор Никонов всегда его хвалил, ставил примером лентяям и бездарям, и ни у кого не возникло сомнений, что в состав экспедиции надо включить именно этого одаренного аспиранта. Тем более представитель фирмы-мецената, полистав личные дела, заинтересовался младшим научным сотрудником Меньшиковым и захотел, чтобы именно его отправили в Африку. Даже пальцем ткнул в фотографию. Почесывая жесткие черные волосы затылка, он заявил с жутким акцентом: «Вот тебе бабки, как на целый балшой кивартира масковский с евраримонтам, дажи читобы одын-два девка ни стыдна била пиригласить... эта, себе вазьми сколько нада капуста, астальные на экспэдиция отбишляй... Давай, слишишь, ти, эта, ректор, атпусти этава ииспиранта ачкастава в Африка, он мазгастый, ево хачу, пусть там ищет чито-нибудь... Астальные читире сама вибирай».

Ректор, естественно, согласился, с трудом разобрав речь неожиданно щедрого спонсора. Включил Меньшикова в состав группы без лишних разговоров.

Теперь же этот будущий великий ученый стоял перед таможенником и в нетерпении притопывал ногой. Мысленно уже рылся под сенью джунглей, искал, планировал, собирался претворить в жизнь очень много замыслов, особенно тайных; однажды посетила гениальная мысль, что практически из любого растения можно получить вещества, по составу сходные с наркотическими, а уж догнать состав до необходимого уровня много времени не займет. Еще пришла мысль, паровозом с первой, о том, что влияние наркотика на мозг человека выражается в действии на некоторые участки коры головного мозга, и не обязательно это вещество должно содержать кодеин, вполне и заменители подойдут. В общем, мыслей и планов было множество, оставалось лишь получить доступ к необходимым растениям. Друзья не верили в его рассказы, посмеивались, советовали избавиться от мании величия; мол, ты че, Серега, какая на хрен наркота в бурьяне или листьях пальм? Случаем, ничего сегодня не выкуривал? Удумал, понимаешь, из простой травы вытащить новый вид наркотика, рядом с Эйнштейном захотелось оказаться?..

Вот Меньшиков Сергей Иванович и притопывал ногой нетерпеливо, следя за таможенником и его пышными усами. Намеревался доработать свою идею до конца в джунглях, проверить на приматах, а потом приехать и всем сомневающимся рот заткнуть. Разом заткнуть.

Усатый пограничник протянул документы, не став досматривать чемодан. Улыбнулся пошире:

– Можете следовать на посадку, Сергей Иванович. Только Ангола, мне кажется, не самое благоприятное место для исследований. Там стреляют.

– Пусть стреляют, мне до этого дела нет никакого.

– Ну, как знаете.

Проследовав таможенный терминал, Меньшиков припустил бегом, все не терпелось быстрее прилететь и уже приступить наконец к работе.

Что тут сказать? Все пакостят, запретный плод всегда сладок, да и денег наркота приносит много. А что еще надо для хорошей жизни и признания мировой общественности? Всем хочется красиво жить и иметь все, что душа пожелает. Кому-то иномарка навороченная снится каждую ночь, кому-то квартира десятикомнатная покоя не дает, кому-то негритянки обнаженные в каждом сновидении танцы исполняют, а кому-то и личная лаборатория является, обставленная по последнему слову техники вкупе с признанием мировой общественности. Все мечтают, все хотят исполнения мечты. И иногда они сбываются. Только вот не всегда этого удается достичь законным путем, мирным или вовсе правильным. Иногда приходится малость криминальничать. А где малый криминал, да еще и новая наркота, там всегда начинается большой криминал в виде бородатых и злых личностей, кои запросто чувствуют возможность наживы и все делают для того, чтобы эти деньги осели в их карманах. Вот и над Меньшиковым нависла угроза встречи с жестокостью большого криминала; не все приятели смеялись и шутили, кое-кто запомнил основательно, рассказал еще кому-то, тот – третьему, ну а третий уже передал информацию заинтересованным людям. В итоге за непризнанным гением установили скрытое наблюдение, кое-кто порылся в его компьютере, пролистал в его отсутствие конспекты и дневники, получил косвенные подтверждения тому, что его болтовня имеет под собой реальную основу, затем люди посоветовались, и...

И долго ждать приглашения в Анголу не пришлось.

* * *

Солнце уже показалось над сельвой, высунуло свой золотой краешек, подожгло редкие облачка в небе. Лучи светила проникли в помещение, выхватывали из полумрака верхушки картин и плетеных узорных занавесок. Даже табачный дым как-то по-своему высвечивался, поднимаясь вверх, к потолку. Легкий ветерок подхватывал его своими порывами, разметывал, разгонял, уносил в коридор через приоткрытую дверь.

Куривший человек, забыв о сигаре, сидел в своем любимом кресле и следил, как поднимающаяся струйка дыма, завиваясь в причудливые кудряшки, все уходит и уходит в никуда, как бы говоря, что и жизнь вот так же вьется, вьется и в конце концов исчезает. Поначалу-то она ровная, стабильная, а чем выше поднимается, тем сложнее и витиеватее, прерывистее, на нее влияет множество причин, уже не так просто сохранить стройность и первичную цель подняться еще выше.

От сравнений и умозаключений оторвал мелодичный сигнал спутникового телефона. Куривший поморщился, нехотя отводя глаза от струйки дыма. Сунул сигару в рот и, поднявшись из кресла, подошел к телефону.

– Слушаю.

– Здравствуй, дорогой.

Куривший переменялся в лице, узнав голос абонента. Пристально глянул на индикатор кодировки сигнала, пробежался глазами по монитору компьютера, выясняя, защищена ли эта линия от прослушивания. И только когда убедился в полной безопасности, приветливо поздоровался, перекладывая сигару в другой уголок рта:

– Здравствуй и ты, дорогой.

– Как там погода в твоей жаркой и солнечной стране? – Звонивший проявлял положенную вежливость, хотя частенько бывал вовсе невежлив и крайне жесток. – Как здоровье, как богатство, как жизнь?

– Не жалуюсь. Помаленьку идем вверх. А как твои дела, дорогой?

Звонивший наверняка сейчас огладил себя по толстому животу да бросил взгляд на личный многоэтажный особняк с парадного балкона:

– У меня тоже хорошо.

Положенные приветствия были произнесены, оба это знали. Каждый жил в своей стране, у каждого были миллиарды на счетах, куча недвижимости, полк охраны, вроде бы можно и в гости к друг другу наведаться, но... но этого никто из двоих делать бы не стал; побаивались Интерпола, да и один другого тоже не меньше. Предпочитали вот так вот по телефону решать общие дела через посредников, и очень редко выходили из своих жилищ-дворцов. Так по крайней мере было до этого времени. И никто из двоих не хотел менять установленный порядок.

– Я чего звоню-то? – В трубке раздался звон бокала. – Намечается тут дельце занятное. Мои люди случайно вышли на одного человечка, который вроде бы неплохо разбирается в химии.

– Зачем мне химик? – Кутивший ухмыльнулся и выпустил клуб дыма, краем глаза следя, как тот медленно рассеивается и уносится ветром. – У меня вроде нет такой потребности. Да и появиться – разве мало в Европе и Америке этих самых химиков?

– Это не простой химик. Это забитый жизнью аспирант, у которого очень много толковых идей и совсем нет возможности их реализовать.

– Я не занимаюсь благотворительностью, ты же это знаешь.

Звонивший не стал обижаться, продолжал настаивать на своем:

– Дослушай до конца, дорогой... Как-то этот химик похвалился друзьям, что может создать новый вид наркотика из вроде бы обычных растений. Меня это заинтересовало, дал команду своим людям проверить его болтовню. Те проверили, скопировали записи и конспекты этого химика, дали просмотреть специалистам, и выходит, что его слова не простой треп, он действительно может создать новый вид наркотика.

Кутивший огладил свою роскошную бороду. Покосился на уже полностью поднявшееся солнце. Вновь выпустил клуб дыма.

– Я все понимаю, дорогой. Но при чем здесь я? Ты хочешь, чтобы я выделил деньги на его опыты, так?

Звонивший, наверное, сейчас поморщился и мысленно выругался матом. Но тем не менее голос был прежним, вежливым и спокойным:

– Нет. Я хочу, чтобы ты встретил его у себя. Он уже едет к тебе в Анголу вместе с четырьмя лохами. Деньги на поездку и экспедицию я выделил свои, теперь же просто встретить его, проследи, чтобы ему не мешали, ну а там... там, если все получится, думаю, нам обоим будет выгодно выпустить на рынок новый наркотик. Разве нет?

Кутивший чуть сигару не выронил. Смысл-то уловил мгновенно, но вот известие, что этот самый одаренный химик уже едет...

– Я не понял, как это – уже едет? Зачем ему ехать сюда?

В трубке снова раздался звон бокала и чей-то возглас неподалеку, скорее всего женский. Звонивший пояснил:

– Необходимая для опытов растительность произрастает именно в твоих краях. Так что встречай, дорогой. Остальная часть общего дела за тобой. Пусть этот химик спокойно работает, возьми его под свою негласную охрану. Это выгодно, очень выгодно.

Кутивший справился со своими чувствами. Выгодно-то, выгодно, но вот если этот умник не сможет создать свою наркоту? Что тогда? Время терять, вместо того чтобы нормальными делами заниматься?

Выразил свои сомнения, сказав в трубку:

– А если он не сможет?

– В таком случае ты ничем не рискуешь, дорогой. Экспедицию я оплатил из своих денег, все проблемы с отправкой взял на себя. Тебе остается лишь установить за ним наблюдение, негласное, пусть он спокойно работает в твоём лесу. Своих хлопцев предупреди, вдруг перепугают нечаянно. Ну и остается просто ждать, пока этот гений не закончит свои разработки. Потом хватай его, налаживай производство, и большие прибыли не заставят себя долго ждать. Новая наркота – это новые потребители и полнейшее отсутствие конкуренции.

– А те четверо с ним, они кто?

– Да лохи простые, не отправлять же его одного? Как все сделает, хватай их и можешь сделать с ними что хочешь. Хоть муравьям скорми.

– Искать не будут? Все-таки пятеро...

– Я все улажу. Искать их никто не будет, просто забудут. В джунглях каждый год сотни человек пропадают, и никто их особо не разыскивает, пропали и – на этом весь сказ.

Куривший повернулся к выходу на балкон. Привстал на носки, разглядывая прилегающую к вилле местность, плантации, казармы охраны и постройки прислуги. Опустился обратно:

– Как будем прибыль делить?

– Пятьдесят на пятьдесят. Согласен, дорогой?

– Согласен.

– Ну тогда встречай, они уже вылетели. Фотографии и паспортные данные я тебе сейчас факсом отправлю, ты уж организуй им встречу, охрану выдели, проводников, носильщиков ну и прочее. Сам понимаешь – лучше их поближе к твоей вилле расположить, пусть ищут свои травы, спокойно работают, думают, что в сельве никого нет, кроме мартышек и насекомых.

Куривший стряхнул пепел с сигары прямо на дорогостоящий ковер ручной работы. Улыбнулся утреннему солнцу. В голове уже делал прикидки, подсчитывал необходимые суммы, планировал, считал. Новые выгоды уже прорисовывались перед внутренним взором.

Огладив свою бороду, поспешил закончить разговор:

– Не беспокойся, дорогой. Я все сделаю как полагается.

– Ну тогда до встречи.

– До встречи.

Положив трубку в гнездо, куривший дождался, когда придет информация по прилетающим ученым. Вытащил несколько отпечатанных листков из факс-аппарата, просмотрел лица, особенное внимание уделил фотографии молодого худощавого человека в очках, обведенной красной линией. Читать не стал, так как по-русски знал только два слова – Москва и «АКМ».

Затем вышел на балкон. Поискал взглядом начальника охраны, свое доверенное лицо во дворе, поманил пальцем. Когда тот вошел и выжидающе глянул, то владелец обширных территорий в этой стране, также и один из самых богатых людей во всей Африке, принялся ходить туда-сюда по спальным покоем, потирая руки в предвкушении скорых прибылей. Наконец, сформулировав, сообщил:

– Джонни, скоро в Луанду должны прилететь пятеро ученых из России, они летят сюда с научной экспедицией. Ты организуй им встречу в аэропорту, предоставь все необходимое, выдели охрану, проводников, носильщиков. И постарайся сделать так, чтобы эти ученые разбили свой лагерь где-нибудь поблизости отсюда.

Начальник охраны загнал брови на лоб:

– А что ученые тут забыли, господин Барон? Тут же стреляют...

– Делай, как я сказал, Джонни.

Доверенное лицо, по совместительству и начальник охраны, склонил голову в поклоне:

– Как прикажете, господин Барон.

– Да, и еще. – Барон, так его частенько все называют, взял отпечатанные листки бумаги, протянул: – Тут вся информация, не промахнешься, короче... Еще, как только устроишь их поблизости, убери с того района все патрули, пусть ученые думают, что в сельве никого нет, пусть спокойно работают, не отвлекаются на всякие мелочи.

– Как прикажете, господин Барон.

Хозяин вспомнил вчерашнее происшествие:

– И прекрати наконец пьянку среди своих подчиненных! Вчера какого черта стрельбу во дворе устроили? Какой урод из пулемета на крыше гвоздил?

Начальник охраны развел руками:

– Парни рвутся в бой, господин Барон. Уже месяц не было стычек с правительственными войсками. Засиделись...

– Будут вам стычки. Будут... Ладно, Джонни, можешь идти.

– Как прикажете, господин Барон.

* * *

Русских всегда видно, в какой бы стране они ни находились. Особенно если эти русские прилетели в жаркую Африку из весенней слякотной России. Удивленно застывают на трапе самолета, озираются, разыскивая ставшую уже привычной грязь. Не видят ее, естественно, потом запоздало начинают осознавать, что тут и небо совсем другое, и ветер очень горячий, прохожие имеют другой цвет кожи, и зря столько одежды взяли, и вообще тут очень жарко. Благо хоть куртки сняли, не то веселая картина бы возникла. Мимо проходят местные, одетые, как на пляж, оглядываются недоуменно. Потом понимают, кто эти пятеро и отчего в свитерах и брюках.

Малышева первой скинула вязаный свитер, оставшись в блузке. Повернулась к отдувающимся профессору Никонову.

– Жарковато, Петр Сергеевич.

– Да, не подумали мы, что тут совсем другой климат, Анна Ивановна.

Иванов в этот момент проводил задумчивым взглядом бортпроводницу, только что спустившуюся с трапа. Потом опомнился, поставил чемодан, положил на него куртку, скинул пиджак, расправил мышцы, но было уже поздно, красавица в голубой форме ушла, не глядя. Наткнулся взглядом на Степанова, тот ухмылялся.

– Чего?

– Успеешь еще свое мясо показать, Игорек. Проводница и покрупнее тебя мышастых видела.

– Да пошел ты...

Институтский бугай отвернулся, принялся из-под ладони разглядывать взлетное поле, словно жутко заинтересовался архитектурой прилегающих зданий.

Пятый участник экспедиции невозмутимо стоял позади всех, чемодан держал в руках. Было жарко и ему, но он не обращал внимания на такие мелочи, не в силах дожидаться выезда в сельву. Происходящее не волновало, реакция окружающих – тоже. Важнее было как можно скорее покинуть этот аэропорт, нанять уже кого-нибудь из проводников и ехать работать.

Профессор наконец тоже снял свитер, аккуратно положил его на поставленный чемодан. После, оглядев подчиненных, сообщил:

– Товарищи, нам нужно сложить всю теплую одежду в какую-нибудь сумку, не дело это ходить и потеть. У кого-нибудь есть сумка пообъемнее? В здании аэропорта сдадим в камеру хранения, уже будет полегче.

– У меня есть, Петр Сергеевич. – Степанов открыл свой чемодан и извлек сумку, заблаговременно позаботившись о ней еще в институте; знал, что в Африке жарковато даже весной.

– Отлично. – Никонов вытер пот с лица. – Давайте сложим куртки и свитера. Потом уже определимся с дальнейшими действиями.

Сложили. Нести, естественно, поручили Иванову как самому здоровому. Потом немного посоветовались на тему дальнейших действий и двинулись к зданию вокзала, собираясь оставить ненужные теперь вещи в камере хранения, прикупить в магазине летнюю одежду и обувь, ну и решить, как добираться до места.

В дверях вокзала повстречали какого-то улыбчивого негра, сносно болтающего по-русски. Никому это совпадение подозрительным не показалось, тем более новый знакомый достоверно сообщил, что частенько помогает русским с наймом транспорта и всего необходимого для выездов в сельву. Даже какую-то удостоверяющую книжицу показал: вот, дескать, все законно и с гарантией. Никто местную грамоту не знал, читать не стали, поверили негру на слово. Тот заверил, что через часок все будет в порядке. И недорого. Вот так и сказал:

– Дайте мне час. Машина три будет, проводник два будет, охрана пять будет, носильщик шесть будет. Моя знает отличный место в пятистах миль от Луанда, где никто не ходит, нет зверей, нет стрелять, все спокойно. Тысяча зеленый денег. Половина вперед. На бензин.

Профессор посоветовался с остальными, сошлись на том, что это не так уж и дорого, рассчитывали, что выйдет намного дороже. Поэтому Никонов вернулся к неожиданному помощнику, кивнул:

– Хорошо, мы согласны, товарищ. Нам ждать в здании аэропорта?

– Зачем ждать аэропорт? Тут рядом есть ресторан, там продают водка, закуска, вареные пирожки... э-э-э... пельмени. Ждите там. Я через час быть здесь.

– Договорились, товарищ.

Отыскав указанное заведение, все пятеро расположились в тени пальмы, заказали себе кому что нравится, стали ждать.

Новый знакомый не обманул. До места экспедиция добралась без проблем. Немного отдохнули на пляжах, отогрелись под экваториальным солнцем после московского ранневесеннего ненастья. Наняли проводников, охрану, переводчика, дождались прибытия оборудования из института и отправились в сельву. Местные жители, случайные собеседники, пытались предостеречь, что в джунглях неспокойно, но профессор Никонов указал на пятерых охранников, многозначительно хмыкнул и приказал выдвигаться. Никто возражать не стал, русские славились своим упорством, и процессия двинулась навстречу открытиям, долгожданной работе и малость ожидаемым пикантным приключениям.

Протопав прилично, ученые увидели наконец нужные им растения и разбили лагерь. Нанятые аборигены всячески помогали: изгородь от хищников возвели, палатки установили, топливо для костра поставили – в общем, взяли на себя все бытовые трудности, позволив умникам не отрываться от микроскопов. Ерунда, что с тревогой косились на вроде бы необитаемые заросли, но кто будет слушать их боязливые рассказы о том, что в сельве может поджидать опасность страшнее тигров и львов? Профессор так и сказал:

– Перестаньте бояться, граждане! На дворе третье тысячелетие, какие могут быть наркобароны и террористы посреди африканских джунглей? Все негодяи давным-давно в Чечне собрались, до сельвы им дела нет никакого. Так что прекратите пересказывать глупые бабьи сказки и давайте займемся установкой оборудования... Этот вот прибор аккуратнее несите, стоит, как чугунный мост, и требует к себе весьма бережного отношения.

Нанятые местные вздыхали, жестаи отгоняли от себя нечистых духов и всей толпой таскали довольно тяжелые приборы. Профессор ходил следом, руководил, ругался иногда, но в целом работой был доволен.

Малышева, единственная женщина в отряде, поставила себе отдельную палатку, навела в ней порядок, теперь же крутилась возле микроскопа, рассматривая первый образец растений.

Собиралась за все время своего здесь пребывания действительно получить новое лекарство, а то и не в единственном числе, и, приехав домой, наконец обустроить личную жизнь; раньше было некогда, да и работа отвлекала, теперь же можно хорошо поработать и прилично заработать. В общем – углубилась в исследования с головой, мало реагируя на любопытные взгляды местных.

Степанов, насмотревшись на буйное тропическое разнообразие, ковырялся в своих конспектах, раздумывая, с чего начать и как следует начать. К работе подходил основательно, медленно раскачиваясь, затем, все набирая и набирая обороты, гнал вперед по неведомым тропам открытий и озарений.

Иванов же, так удививший таможенника своей богатырской статьёй, слонялся по лагерю, выбирая место для турника и раздумывая, как составить распорядок дня. Исследования его не волновали, отошли на задний план вовсе, давеча он общался с прекрасной чернокожей красавицей, хотелось еще знакомств, но отдаленность лагеря от крупных населенных пунктов удручала. Потом голову посетила гениальная мысль разузнать насчет женщин у местных хлопцев, особенно солдат охраны; те наверняка для себя как-то решили сексуальную проблему, так почему бы и не помочь здоровенному русскому парню? Ухватил переводчика за руку, кое-как объяснился, что ему нужно, и они вдвоем пошли к солдатам, что кучкой сидели у костра. Вдобавок богатырь извлек из своих запасов чистейший медицинский спирт, литра два, так сказать, для облегчения понимания и понижения языковых барьеров. Через час здоровяк знал все, что ему было нужно, и уже раздумывал над предлогом ухода из лагеря.

Меньшиков. Ну-у-у, этот сразу за дело взялся. Еще по дороге нарвал различных растений, теперь сидел в сторонке и сортировал их по кучкам. Извилины воспаленного мозга вовсю ворошили запасы химических формул и подбирали необходимые для проверок реагенты. Стекла очков скрывали лихорадочный блеск глаз, со стороны казалось, будто младший научный сотрудник раздумывает насчет того, какую кучку куда пристроить: мол, что засушить, а что – и сырьем под микроскоп сунуть. На самом же деле...

Через полчаса кое-что начало вырисовываться, гений подхватил одну из кучек, потащил в палатку, откуда потом добрый час слышалось шипение реактивов и невнятное бормотание в различных интонациях.

На это никто внимания не обращал, лишь проводник, старый и сморщенный дед, много в жизни повидавший, уважительно покачал головой и сказал:

– Шаман, однако.

Второй проводник, малость помоложе, сотворил перед собой знак, отгоняющий злых духов. Добавил от себя:

– Отмороженный, однако, шаман. В сельве без «АКМ» не ходят, а этот даже пистолета не имеет.

– Не нам следить за их путями. Шаманы понимают больше обычных людей. Им открыто многое.

– Однако, ты прав.

* * *

– Вызывали, господин Барон?

Начальник охраны, в прошлом обычный боевик, выбившийся из простых в серьезные благодаря хладнокровию и четкому исполнению приказов. Здоровенный такой негр, казалось, не должен быть умным, но получилось именно так. Он обладал мощным интеллектом, вдобавок силой воли, с помощью которых сумел выбиться в люди. С Бароном уже давненько, лет пять-шесть, и за все время не подвел ни разу.

Барон, прекратив кормить рыбок, повернулся. Кивнул:

– Да, Джонни, вызывал. Как с учеными дело обстоит? Ты все сделал, как я тебе говорил?

Джонни об этом можно было и не спрашивать. Если уж ему что поручили, то можно не сомневаться в том, что он это выполнит. Может даже президента замочить, если попросят... э-э-э... прикажут, вернее. Вот и сейчас – прикажи ученых поселить на расстоянии трех километров от виллы, значит, они там и будут, плюс-минус пять метров.

– С учеными из России все нормально, господин Барон. Мой человек в Луанде все организовал, прилетевших встретили в аэропорту, навязали им охранников, проводников, носильщиков и транспорт. Они ох и простые, даже ничего не заподозрили, более того – с легкостью согласились преодолеть пятьсот миль, не спрашивая особо про такое большое расстояние, едва им намекнули, что есть такое тихое местечко, безлюдное.

Барон отложил корм для рыбок, поправил плохо лежавший сачок. Задумчиво произнес:

– Для России пятьсот миль немного. Зачастую между крупными городами – именно такие расстояния, и постоянно ходит междугородний транспорт. Я как прочитал об этом, то сначала не поверил. Но мой партнер из этой далекой заснеженной страны подтвердил. Сказал также, что на севере России вообще расположены огромные безлюдные пространства, где на тысячу квадратных миль всего лишь два-три человека... Ладно, это не наши дела, у кого какие территории. Скажи-ка мне лучше, Джонни, как там с патрулями в том районе, где расположились ученые?

Джонни привычно отрапортовал, глядя в никуда:

– Все патрули убраны, господин Барон. Ученых никто не потревожит. Я отдал распоряжение об отлове более-менее крупных хищников. Пусть русские спокойно работают, они не увидят даже местных дикарей-охотников.

– Молодец, Джонни. А этот, самый умный, как он?

– Он отличается от остальных четверых, господин Барон. Причем разительно. Еще когда сюда добирались, то этот хилак не удержался и начал собирать образцы растений прямо в дороге. Как только более-менее обустроили лагерь, так уже с головой ушел в работу, плюнув на наведение порядка в своей палатке. Остальные не так серьезно относятся к делу. Женщина сначала палатку себе подготовила, чай попила, под солнцем пошурилась, позагорала, только потом уже стала какой-то листик в микроскоп рассматривать. Пожилой так и вовсе лентый, только другим указывать может – как и что делать...

Барон поднял руку, прерывая:

– До остальных мне дела нет, Джонни. Меня интересует только этот очкарик. Именно из-за него и отправили эту экспедицию, и именно за ним ты должен следить.

– Я все понял, господин Барон. За этим очкариком будут следить все двадцать четыре часа в сутки, можете не беспокоиться на этот счет.

– Я верю тебе, Джонни. И знаю, что могу на тебя положиться. В общем – следи за учеными неусыпно. Если все пройдет отлично, то затеянное дело принесет огромные прибыли. А если будет много денег, то недалеко и до президентства. Сам понимаешь – пост министра обороны гораздо лучше должности начальника охраны.

– Я все понимаю, господин Барон.

– Можешь идти, Джонни.

– Как прикажете, господин Барон.

Спустя шесть недель

– Вызывали, господин Барон?

Джонни, начальник охраны и доверенное лицо неофициального правителя большей части Анголы, зашел в кабинет и замер, ожидая распоряжений.

Сам Барон, поднявшись из-за стола, прошел к окну и, повернувшись к вошедшему спиной, стал рассматривать окрестности. Он частенько так поступал при разговорах, ничего этим

не подчеркивал, просто так ему лучше думалось, да и не мог он долго находиться без движения, постоянно что-нибудь делал.

– Как там с этими пятерыми русскими? Работают?

– Работают, господин Барон. Никто их не отвлекает, никто в том районе не стреляет, даже всех хищников втихаря отловили.

Барон вернулся к столу, прикурил сигару, глянул сквозь клубы дыма:

– А этот, который самый умный? Что он делает?

Джонни улыбнулся, что делал крайне редко; улыбка означала, что все идет нормально и он рад.

– Очкарик все время сидит в палатке, колдует с травами. Приставленный к нему наблюдатель сообщает, что тот уже проводил опыты на крысах и прочих мелких зверюшках. Сейчас вроде должен уже проводить опыты на мартышках. Если мартышки забалдеют, то, думаю, в таком случае зелье уже готово.

Барон вернулся к окну. Заулыбался. Все сомнения начинали постепенно рассеиваться, проглядывал уже более-менее реальный результат – присланный из далекой России умник оправдывал возложенные на него надежды. Скоро он изобретет нужное зелье, и уже можно будет открывать ему глаза на внешний мир. Пусть гонит свою новую наркоту под строгим надзором, на пустяки нет времени.

– А остальные четверо?

Джонни перестал улыбаться; каменное лицо выражало равнодушие:

– Женщина какое-то зелье лекарственное варит. Наблюдатель втихаря попробовал, у него начался понос. Видимо, еще не догнала до необходимого уровня... Престарелый, его все профессором зовут, только командует. Сам же целыми днями у костра сидит и несет чушь всякую заумную, лишь изредка работая над какой-то мазью или чем-то похожим. Наблюдатель не стал рисковать и пробовать... Третий, качок, на турнике неделями висит, ему до исследований вообще никакого дела нет. Иногда в соседнюю деревню мотается к бабам, охранника одного уговорил дорогу показать. Наблюдатель сообщает, что за шесть недель этот здоровяк ни разу даже записей не делал... Ну а четвертый занят какими-то порошками, все травы сухие смешивает, не то курить пробует, не то просто ест. Наблюдатель попробовал – ничего не почувствовал...

Барон развернулся. Предположил:

– Может, тоже какой наркотик разрабатывает?

Джонни отрицательно качнул головой:

– Нет, господин Барон. Скорее всего, какие-то пищевые добавки. Или специи.

Барон подошел к холодильнику, достал бутылку «Колы» и бросил начальнику охраны, не глядя на него. Джонни равнодушно, будто робот, поймал. Одним движением свернул крышку, отхлебнул. К замашкам хозяина уже привык за несколько лет, еще и не такое бывало; знал, что хозяин постоянно размышляет над чем-то, и поэтому действует отлично от других. Может запросто вот так вот бутылку швырнуть неожиданно и вовсе не проверяет реакцию. Просто выказывает свое хорошее настроение и – хорошее отношение к собеседнику.

Сам Барон, достав себе минералку, закрыл холодильник. Вернулся к столу и открыл бутылку открывашкой. Стряхнул пепел с сигары, огладил бороду и только после этого сказал:

– Ты, Джонни, следи за этим очкастым умником пристально. Если он изобретет свое зелье и опыты на мартышках пройдут как надо, так сразу же хватай всех пятерых и тащи сюда. Станем извлекать пользу из шести недель ожидания.

– Как прикажете, господин Барон. Мои люди неусыпно следят за лагерем ученых.

Барон налил минералки в стакан. Выпил залпом.

– Как твои хлопцы? Не буянят?

Джонни опять заулыбался:

– Все мирно, господин Барон. Зализывают раны после стычки с правительственными войсками. Хорошая была драка. Даже пить бросили, настолько весело провели время.

– Это хорошо, Джонни. Скоро будет новая акция, пусть твои головорезы основательно к ней подготовятся.

– Как прикажете, господин Барон.

– Можешь идти, Джонни.

* * *

...Мартышка настороженно приблизилась к угощению. Протянула лапу к раскрытой ладони Меньшикова, наблюдая за ним своими хитрыми глазками. Осторожно взяла предлагаемое. Затем, раскачавшись на хвосте, ловко запрыгнула на ветку, уселась поудобнее и впилась зубками в плод дуриана, предварительно накачанный новым препаратом.

Младший научный сотрудник стал ждать результатов, наблюдая за мартышкой. Уже больше месяца он корпел над своим изобретением, проверял на крысах и прочей мелочи, теперь настала очередь приматов. От того, какой будет эффект, зависело все: либо снова терять месяц, либо – светили лавры гения, признательность, деньги. Ходить в младших научных сотрудниках до жути надоело, хотелось стать человеком.

Мартышка доела, потянулась, глянула со своей ветки на стоящего внизу человека. Осклалилась, потом вдруг заверещала, вскочила на ноги, собралась прыгать на другую ветку и уйти отсюда. Но по непонятной причине промахнулась и грохнулась на землю. Там, пошатываясь все больше, попыталась вновь забраться на дерево, но и это не удалось. Наконец повалилась на бок и тяжело вздохнула, напоминая вдрызг пьяного алкоголика.

Меньшиков подошел. Поднял ее и заглянул в полуприкрытые глаза, удостоверившись в действии нового препарата. Мартышка вяло отмахнулась, пустив слюну. Налицо – наркотическое опьянение. И это с простой, казалось бы, травы безвредной. Получилось!

Гений отшвырнул мартышку. Радостно потер руки, уже видя на своей голове лавровый венок и много денег на счете. Воскликнул:

– Получилось!

Вернувшись в лагерь, он сделал несколько пометок в конспектах, достал заначку – бутылку коньяка, – налил полный стакан, залпом выпил, поздравляя себя. Потом, выйдя из палатки, презрительным взглядом смерил бугая Иванова, который целыми днями так и висел на турнике. Перевел глаза на профессора, звонящего жене в Москву, хмыкнул. Что ему звание доктора наук? Он теперь круче!

В следующий момент стало твориться непонятное. Появились незнакомые вооруженные люди, мгновенно уложили выскочивших из палатки охранников физиономией в землю. Один из незнакомцев встал посреди лагеря и выпустил в воздух очередь из автомата. Когда воцарилась тишина, произнес на скверном русском:

– Все лечь на земля. Я убивать сразу. Телефоны не звонить.

...Алкоголь мгновенно выветрился из крови Меньшикова, так и не успев толком по ней разойтись...

* * *

...Железная дверь с оглушительным лязгом захлопнулась, заставив вздрогнуть всех четверых. Гроыхнул засов. Послышались удаляющиеся голоса неведомых вооруженных похитителей.

Казалось нереальным, что такое могло произойти. Буквально час назад все спокойно находились в лагере, занимаясь каждый своим делом. Охрана после ночного дежурства мирно

дрыхла в палатке, проводники играли в кости, ничто не предвещало беды. И вот на тебе – несколько десятков головорезов всех мастей и национальностей мгновенно перевернули все с ног на голову. Они грубо хватали и связывали, не обращая внимания на попытки заговорить или просто сопротивляться. Потом надели на голову мешки, погрузили в какую-то машину, и пришлось более получаса трястись по раздолбанной дороге в неизвестность.

Из всех четверых лишь Степанов сохранил некое присутствие духа, он рассмотрел несколько грязных нар, зарешеченное окошко, ну и ворохи прелой соломы на полу. Остальные же тупо смотрели перед собой ничего не видящими глазами. Даже, казалось бы, Иванов – такой здоровяк – и тот находился в ступоре, все еще не понимая, как такое могло произойти.

Степанов прошелся по камере, помещение оказалось довольно просторным. Затем вернулся, обнял Малышеву за плечи и подвел к ближайшим нарам.

– Вы присядьте, Анна Ивановна, – посоветовал он. – Успокойтесь.

– Спасибо, – садясь, еле слышно проговорила женщина. – Спасибо, Саша...

Недалеко было до истерики, но она пока держалась, лишь дрожала и прерывисто дышала. Наверняка захват лагеря незнакомцами все еще стоит перед ее глазами.

Степанов покосился на профессора и бугая, по-прежнему стоящих около двери. Подошел к окну, подтянулся и постарался выглянуть. Но это ничего не дало, окошко находилось ниже уровня земли, виднелась лишь заплесневелая кирпичная кладка воздушного колодца.

Вздохнув, прыгнул:

– Попали...

Профессор вдруг дико заозирался, засопел, потом шагнул к двери и принялся пинать ее.

– Выпустите нас! Подонки! Мерзавцы! – закричал он. – Как вы смеете похищать мирных ученых?! Что мы вам сделали?!

Степанов крикнул от окна:

– Успокойтесь, Петр Сергеевич. Только зря тратите силы и напрасно сотрясаете воздух.

– Мы должны бороться!

– Это надо было делать еще в лагере.

Профессор последний раз пнул дверь, уже с меньшей охотой. Повернулся и прислонился к ней спиной. Огляделся, вспомнив, что он старший группы:

– А где Меньшиков? Почему его нет с нами?

– Откуда мне знать? – Степанов развел руками, хотя не был уверен, что профессор увидит этот жест в полумраке. – Его вообще, как я заметил, отдельно повезли, будто что-то от него хотели то ли услышать, то ли узнать.

Иванов в этот момент тоже пришел в себя. Принялся ходить по камере, от двери к окну и обратно. Бил кулаком в раскрытую ладонь. Начались обычные в таких случаях высказывания:

– Эх, если бы не автоматы у этих уродов, я бы им дал жару! Они бы у меня...

Степанов поморщился: глупо выглядело, очень глупо.

– Успокойся, после драки кулаками не машут.

– А что? Я разве не прав? – здоровяк остановился, сурово глянул. – Разве я не смог бы?

– Там и побольше тебя были, если ты, конечно, не заметил.

– Плевать.

Профессор опять развернулся к двери, собираясь вновь пнуть по ней. Воскликнул:

– Игорь прав, мы должны бороться!

Степанову пришлось открыть им глаза на происходящее, Алексей понимал, что, если они не будут сидеть тихо, неизвестные похитители придут и успокоят. Либо избыют, либо вовсе пристрелят.

– Сейчас мы доберемся до кровавых соплей, если кто еще не понял. Возмущаться надо было по пути сюда, теперь же это не имеет никакого смысла. Можете кричать хоть сутки напролет, нашим похитителям до этого нет никакого дела. Но вот если им надоест слушать наши

вопли, то запросто придут и поколотят. Могут вполне и пристрелить, здесь не Россия, здесь джунгли. И никто нас искать не станет.

– Просто сидеть и молчать? – Иванов снова стал ходить. – Нет, я на это не согласен. Я буду бороться. Я им дверь выломаю!

– Ха! Иди, ломай!

– Вот малость соберусь и выломаю.

– Ты на ней скорее свой медный лоб сломишь, чем она тебе поддастся.

– Это мы еще поглядим.

Иванов остановился. Развернулся к двери. Набычился, словно примеривался и набирал силу. Обернулся к Никонову:

– Профессор, ну-ка отойдите в сторону. Сейчас я ее попробую плечом взять!

Степанов хмыкнул, едва институтский бугай врезался в толстенную дверь и, не шелохнув даже ее, со стоном отшатнулся. Тупоголовый человек, действительно меднолобый, раз не понимает простой истины – что дверь не из картона, а из стали.

– А ты головой попробуй, Игорек.

– Да пошел ты, – Иванов потер ушибленную часть тела, поморщился. – Нашел время умничать. Лучше бы помог вместо болтовни и насмешек.

– Тут я тебе помочь ничем не могу. Тут...

Степанов не договорил. С обратной стороны двери слышались тяжелые шаги, словно двигался слон. Спустя мгновение гроыхнул засов, дверь открылась на всю ширину, и взглядам ученых предстал человек, видимый лишь по грудь: гигантский рост не позволял обозреть его целиком, хотя дверь была довольно высокой.

Негр-гигант нехотя наклонился. Холодным взглядом контрастно белых белков глаз прошелся по притихшим пленникам. Громадная ручища поднялась, сжала кулак. Этот самый кулак-наковальня медленно протянулся к носу ошарашенного Иванова, что находился ближе всех, и негр на ломаном русском с угрозой сказал:

– Еще раз стукнешь – я тебе башка разобью. Кулаком.

Покатый лоб собрался в единственную морщину, негр-гигант, похоже, вспоминал великий и могучий язык. Добавил после некоторой паузы:

– Всем сидеть тихо. Я убивать сразу.

Ручища разжалась и медленно выплыла из камеры. Дверь так же медленно закрылась, и лязгнул засов.

Иванов, слышно было, как только сейчас выдохнул, ошарашенно протянул:

– Вот это зверюга. Где таких только выращивают? На каких таких стероидах?

Степанов отошел от окна и сел на нары.

– Таких выращивают в джунглях. Или они сами такие вырастают, хрен поймешь.

Профессор сглотнул ком в горле и сел рядом. Вытер испарину с лица.

– Но что мы им сделали? Почему нас схватили и привезли сюда? За что?

– Думаю, скоро сообщат, Петр Сергеевич. – Степанов ковырнул носком ботинка прелую солому на полу, отшвырнул от себя. – Иначе зачем им было оставлять нас живыми и везти сюда? Охрану с проводниками, помнится, вообще прогнали, а вот нас – захватили.

Профессор сверкнул в полумраке стеклами очков:

– Думаете, станут требовать выкуп?

– Вряд ли, Петр Сергеевич. С нас много не возьмешь, что взять с простых ученых? Квартиру? Я вообще в коммуналке живу, дом мой под Саратовом, много он не стоит... не думаю, в общем, что мы здесь из-за выкупа. Тут что-то другое.

– Но что именно? – Никонов вроде докторскую степень имел, но тут вдруг стал тупо соображать. – Что им от нас нужно?

– Не знаю. Честно, не знаю. Время покажет.

Профессор поднялся с нар. Принялся ходить по камере, но молчал и дверь не пытался штурмовать: здоровенный негр до сих пор не укладывался в голову.

Иванов просто молча сидел, раскачиваясь. Бравада пропала, опять же негр вполне доходчиво объяснил, чем это грозит, оттого на институтского дутого силача навалилось оцепенение. Может, и дергался бы, но только не здесь, тут запросто башку проломают, какой бы крепкой она ни была. В родной полиции – пожалуйста, выступай, дверь камеры трясина, выкрикивая оскорбления правящему режиму, адвоката на помощь зови, все равно больше удара дубинкой не получишь, а здесь наковальня пятипалая, одним ударом сомнет череп в лепешку.

Степанов попробовал лечь, подумать над сложившейся ситуацией, но, на ощупь проверив поверхность нар, отказался от этой затеи – грязно, липко, дурно пахнет. Сами собой всплыли предупреждения российского таможенника в аэропорту Шереметьево-2 насчет опасностей и стрельбы, но кто его тогда слушал? Все считали, что защищены законом и злодеев больше нет, но оказалось, что есть...

Профессор остановился посреди камеры. Опять поднял тему пятого участника экспедиции:

– Но где же Меньшиков? Почему он не с нами? Вроде бы вместе приехали... с чего вдруг его забрали?

Степанов придвинулся спиной к теплой стене, вытянул ноги. Отвечать не стал, он сам попросту не знал, что приключилось с пятым. Вполне могли расстрелять либо скормить живьем собакам. А скажи такое – либо профессор запаникует, либо Иванов визжать начнет, либо Малышева в истерике забьется, умирать никому не хочется, все считают, что смерть должна прийти только в старости, но не раньше.

...За дверью раздались шаги нескольких человек. Все подобралось, надеясь, что сейчас им объяснят, что к чему, но дверь открылась, и в камеру зашел какой-то местный житель, судя по отсутствию одежды, за исключением коротких грязных шорт. Принес здоровенную кастрюлю с баландой и поставил на ближайшие нары. Вытащил из кармана несколько ложек, положил рядом с кастрюлей. Вышел и захлопнул дверь.

Профессор приблизился к кастрюле, заглянул. Тут же передернулся и поспешно отошел.

– Какая-то еда, но воняет отвратительно.

Степанов слез с нар. Тоже заглянул:

– Это местная разновидность русского борща, профессор. За неимением лучшего нам придется есть баланду.

Малышева, до этого времени молчавшая, вдруг всхлипнула и отчетливо произнесла:

– Что же теперь с нами будет?

Остальные молча переглянулись. Ответа не знал никто.

Спустя две недели

Зеленая полоса ползала по монитору, отматывая уже, наверное, миллиардный круг. Сидящий рядом с пультом дежурный офицер лениво катал по столу карандаш, пребывая мыслями где-то далеко, и лишь краем глаза наблюдал за показаниями радара. Расхаживающий за его спиной полковник был, наоборот, взвинчен до предела, иначе и не скажешь; движения дерганные, прическа сбилась, кулаки сжаты, во всей фигуре чувствуется напряжение, глазами так и ищет, на ком бы сорвать злость. Третьим в помещении находился невысокий седоватый мужчина, в штатском. В отличие от первых двух, равнодушного и взвинченного, спокойно стоял у окна и рассматривал освещенный фонарями двор. На лице играла еле сдерживаемая улыбка, но полковнику своего настроения он пытался не показывать, не время еще.

Полковник наконец остановился. Пихнул дежурного в плечо:

– Ну, что там?

Тот прекратил раскатывать карандаш, подобрался для виду.

– Тишина, товарищ полковник. Небо чистое.

– Да где же они?!

Бросив мимолетный взгляд на стоящего у окна, полковник снова начал ходить туда-сюда. Потом, минуты через две, подошел к пульту и, сняв трубку, набрал короткий номер. Дождался, когда на том конце провода ответят. Строго спросил:

– Фролов, как там у тебя? Не появлялись?

Судя по звуку скрипнувших зубов, и там было глухо. Полковник положил трубку в гнездо, тяжело вздохнул. Вновь покосился на стоящего у окна штатского, но ничего говорить не стал. Возобновил ходьбу.

Прошло еще несколько долгих минут, прежде чем сидевший у монитора офицер на мгновение встрепенулся, но потом вновь успокоился. От нервного полковника это не укрылось, он подошел ближе, уставился в монитор:

– Что там? Что увидел?

– Это гражданский пассажирский борт, товарищ полковник. На десяти с половиной тысячах идет, тем более в стороне вообще. Кто ж с такой высоты прыгать-то будет?

Полковник испытывал желание вновь оглянуться на стоящего у окна, но не стал. Отходя от пульта, на всякий случай погрозил дежурному пальцем:

– Следи.

– Слежу, товарищ полковник.

Улыбка седоватого стала еще шире, он уже не скрывал своего настроения. Еще бы не веселиться, совсем скоро вообще кошмар начнется, полковник на себе волосы начнет дергать от безысходности и злости. Предупредить бы, чтоб не дергался, но пока еще рано, подобное пока в планы не входит, вот чуть погодя, тогда да, тогда будет можно.

Зазвонил телефон на пульте. Полковник в доли секунды оказался рядом и сорвал трубку:

– Слушаю!.. Какая еще пьяная девка на машине? Фролов, ты у меня допрыгаешься! Какие могут быть пьяные женщины на полигоне в ночное время, с ума посходили, что ли?! В смысле, заблудилась? Я тебе... я... ты у меня на «губе» сгниешь, зараза!.. Гоните ее отсюда в три шеи, здесь учения проводятся! Пусть обратно едет, откуда появилась!

Полковник давно бы матом заругался, но при штатском вынужден был говорить более-менее культурно, сдерживался по мере сил. Даже трубку положил в гнездо аккуратно. Отойдя от пульта, вновь стал ходить по помещению пункта слежения. На стоящего у окна старался смотреть поменьше; чувствовал за собой некоторую вину за то, что вверенное подразделение разболталось сверх меры, уже заблудившихся девок от полигона отогнать не могут своими силами, все звонят и нервы мотают, никакой самостоятельности, понимаешь.

Прошло еще десять-пятнадцать минут. Вновь зазвонил телефон. Полковник подошел на этот раз медленнее, снял трубку, набрал воздуха, чтобы выругаться, но осекся, услышав, кто звонит, тут же поменял тон:

– Да, товарищ генерал-майор... ждем в полной боевой готовности с самого вечера... три линии охраны... на КПП пятеро... пока тишина... неусыпно, товарищ генерал... пока никого не заметили... хорошо, товарищ генерал.

Положил трубку. Вытер пот со лба, еще более растрепав волосы. Подняв руку, глянул на часы, походил немного, потом посмотрел на стоящего у окна штатского. Остановился и, проявляя беспокойство, произнес:

– Чего-то ваши запаздывают...

Седоватый повернулся к нему, перестав рассматривать двор. Усмехнувшись, возразил:

– Спецназ ВДВ никогда не опаздывает, полковник. Этот объект будет взят точно к указанному времени.

– Но ведь...

Договорить полковнику не дали; в помещение ворвался лейтенант из компьютерного отдела и прямо с порога выдал:

– «Сеть» рухнула!

Полковник аж подпрыгнул.

– Как?! Откуда?! Кто обрушил?!

– Подключение было с территории, прямо на кабель сели! Похоже, с периметра! А то и вовсе с КПП!

Полковник подскочил к телефону, рванул трубку, потянулся, чтобы набрать номер, но как-то обмяк весь и бросил трубку обратно в гнездо. Выдохнул:

– Связи тоже нет...

Вспомнив про охрану, подбежал к окну, чуть не оттолкнув штатского, стал выглядывать наружную охрану на крыльце – окно второго этажа как раз на него выходило, – надеясь, что хоть здесь все в порядке. Но на крыльце никого не было, дверь нараспашку, торчат чьи-то ноги из проема, медленно рассеивается белесое облачко какого-то газа.

Через мгновение и радар отключился. Дежурный, подпрыгнув на стуле, аж карандаш на пол уронил, не понимая, как это могло произойти. Потом и вовсе свет погас.

Полковник полез было за карманным фонариком, но в этот момент ощутил, как в помещении прибавилось народу, кто-то вскрикнул, и спустя мгновение в лицо ударил яркий свет. Спокойный голос с металлическими нотками произнес:

– Лучше не шевелиться.

Включилось аварийное освещение, как всегда, с запозданием. Полковник, проморгавшись, увидел двух здоровенных мужиков, с ног до головы в черном, широкую довольную улыбку на лице штатского, ошарашенные физиономии компьютерщика и дежурного – они оба лежали на полу – и понял, что операция уже завершилась. В памяти тут же всплыло недовольное лицо генерала-начальника, припомнилось его обещание содрать шкуру в случае неудачи, и настроение вовсе скатилось на нижнюю отметку.

Полковник чертыхнулся, не сдержавшись, и отправился на улицу подышать свежим воздухом, покурить, заодно и нервы успокоить. На крыльце чуть не столкнулся с какой-то молодой светловолосой девушкой, весьма празднично одетой, словно на вечерний бал какой собралась, под мышкой торчал ноутбук, взгляд спокойный, будто и впрямь заблудилась, заехав на полигон. Проводив ее взглядом, принялся поднимать одного из охранников: нападавшие врезали ему, похоже, в челюсть, иначе с чего взгляд такой рассеянный, а может, и дверью приложили походя.

Едва наблюдательный пункт опустел, включая дежурного и программиста, двое здоровяков стянули с лиц маски, убрали приборы ночного видения, вытянулись перед штатским.

– Товарищ главком воздушно-десантных войск! – доложил без запинки правый, с хитрыми коричневыми глазами. – Задание успешно выполнено, укрепленный объект условного противника полностью обезврежен, коммуникации выведены из строя, условно через десять минут будет нанесен авиаудар по огневым точкам, и так же условно через тридцать минут состоится десантирование батальона!

– Вольно! – Генерал еще шире улыбнулся. – Ну и перепугали же вы полковника, мужики. Неделю корвалол будет пить минимум.

– Мы же аккуратно, товарищ генерал. Даже не избили толком никого, – второй, усатый, пожал широченными плечами, как бы оправдываясь. – Кто ж знал, что главный условный террорист окажется таким нервным?

– Молодцы!

В помещение вошел третий участник группы. Вошла, вернее. Генерал смерил ее взглядом. Посмотрел на того, кто докладывал о выполнении, поинтересовался:

– Ну что, майор, скажешь? Как тебе старший лейтенант Андропова Наталья Максимовна? Майор, он же Андрей Лавров, он же и Батяня, ответил:

– Судите сами, товарищ генерал, ни одной царапины. Хотя уложила пятерых.

Главком еще раз осмотрел вошедшую. Согласился:

– Действительно. Ни одной.

Вошедшая, дождавшись, когда ее прекратят осматривать, подошла к пульту, села на стул, подсоединила ноутбук и, словно не было ничего такого опасного, принялась восстанавливать разрушенную сеть. Все трое, наблюдая за ней, уважительно покачали головами, генерал, не удержавшись, проговорил:

– Вот это нервы. Вот это выдержка...

Батяня ощутил нечто вроде гордости; как-никак от генерала редко похвалу услышишь, все больше недовольства и выговоры, а тут налицо результаты грамотно проведенных тренировок, все сложилось отлично, объект взят без потерь, внезапно, все так и должно быть. Да и за подчиненных гордость некая присутствует. Ладно там капитан Свешников, амбал уса́тый, его до сих пор в Чечне со страхом вспоминают, любой норматив сдаст на «отлично», а вот старлей Андропова... это да, не подвела, не подвела.

Генерал тем временем прекратил хвалить, перешел к делу:

– Как новые парашюты и комбезы? Не подвели?

Уса́тый Свешников довольно ухмыльнулся:

– Нам бы такие раньше, товарищ генерал... Я себя белкой-летягой натурально ощущал, когда подо мной облака и деревья мелькали, думал, все пузо обдеру о верхушки.

В довершение своих слов он расставил ноги пошире и поднял руки параллельно полу. Стал действительно похож на указанного зверька: плотные тканевые перепонки между ног и от ботинок к рукам позволяли парить в воздухе по наклонной, даже можно было угол полета-падения регулировать. Вдобавок и утепленный комбез, позволяющий избежать холода и обморожений на большой высоте: пришлось ведь десантироваться с высоты десять тысяч метров, в обычном камуфляже застынешь, пока до земли долетишь. Ну и увеличенный черный парашют, не заметный с поверхности, позволивший и бесшумно приземлиться прямо на крышу наблюдательного пункта, где никак не ждали, особенно сонный охранник-наблюдатель. В общем – задание выполнено.

Свешников опустил руки и задал вопрос, мучивший последнее время:

– Товарищ генерал, извините, конечно, за наглость, но нам это оборудование оставят? Или просто попробовать дали?

Лавров недоуменно посмотрел на капитана:

– А тебе оно зачем?

Генерал так же глянул на капитана:

– Да, зачем?

– Ну-у-у, мало ли... вдруг куда пошлют, на операцию какую, не хотелось бы с обычным прыгать. Как небо и земля, отличается разительно.

– Что, летать понравилось? – Андропова повернулась на стуле, оставив в покое ноутбук. – Ты в нем, кстати, не как белка-летяга, нет, не похож совсем.

– Это я образно.

– Ты скорее как... кстати, а как у белок самцы называются? Ну те, что с такими пышными усами?

Капитан кашлянул сердито, передумав отвечать колкостью. Не при начальстве, потом уж, после...

Генерал не стал обращать на пикировку внимание. Решил изложить главную цель своего здесь присутствия:

– Ладно, это все лирика, задание выполнили на «отлично», молодцы, хвалю, но я здесь для другого.

Главком ВДВ пригласил всех жестом рассаживаться, сам же остался стоять по-прежнему у окна. Сделал многозначительную паузу и только после этого решил поделиться причиной своего прибытия на подмосковный полигон:

– Так, ну начну, пожалуй, вот с чего, – он оперся руками о подоконник. – Около двух месяцев назад, в начале весны, некая московская фирма-однодневка, как позже нами было выяснено, обратилась в один из научно-исследовательских институтов Москвы с предложением организовать поездку в Африку группы ученых-химиков. Пускай, дескать, исследования там проводят, все оплачено, все условия созданы, работай не хочу. Институту это было выгодно, своих денег и так мало, еле концы с концами сводят, в общем, пятеро ученых поехали, соблазнившись работой в джунглях. – Генерал внимательно всех оглядел и сообщил: – И вот уже вторую неделю от них нет никаких вестей.

Свешников, поворочавшись на диване, сел поудобнее.

– Африка большая, товарищ генерал. Куда именно они поехали?

– В Анголу.

– Ех-х-х... а за каким хреном, простите, они в это злчное место сунулись? Туда же нормальные люди не ездят, побаиваются. Там же...

Главком не обратил внимания на реплику, развел руками:

– Русские везде сейчас как у себя дома, капитан. Тем более – ученые. Что им местные головорезы и террористы, исследования важнее. Да и, мне кажется, об опасности они думают в последнюю очередь. Или я в чем-то ошибаюсь?

Генерал перевел взгляд на задумчивого Лаврова, поинтересовался:

– Как думаешь, Андрей, куда могли исчезнуть пятеро россиян в джунглях Анголы?

Батяня пожал плечами. Куда угодно, тут вариантов сотни. Их могли скушать на обед местные дикари, коих в сельве множество, могли захватить какие-нибудь террористы, этот район планеты до сих пор никак успокоиться не может, могли и тамошние наркобароны в плен забрать, по причине нежелательных в тех краях исследований и лишних любопытных глаз-ушей. А могло и зверье местное на зуб попробовать, всякое бывает под тем небом, там не сибирская тайга и не степи Поволжья.

Вслух же майор ответил:

– На месте разберемся, товарищ генерал. Я так понимаю, вы же не за консультацией к нам пришли?

– Логично, Андрей.

Андропова отключила ноутбук, справившись с восстановлением компьютерной сети объекта, захлопнула крышку. Решила тоже поучаствовать в разговоре:

– Товарищ генерал, им хотя бы сопровождение-то выделяли, когда они в джунгли сунулись? Не одних же отпустили?

Главком кивнул в знак согласия.

– Насколько мне известно, ученых сопровождали местные проводники, охрана и отряд носильщиков, все, как и полагается в таких случаях. Даже спутниковая связь была дублированная. Но вот две недели назад, буквально в сотне километров от побережья Атлантического океана, связь с учеными оборвалась. Местные власти отправили три поисковых отряда, но поиски абсолютно ничего не дали. Ученые как сквозь землю провалились.

Генерал отошел от окна и принялся расхаживать по помещению, как совсем недавно это делал полковник:

– Что примечательно, пропажа ученых всплыла совершенно случайно.

Батяня удивленно посмотрел на генерала:

– В смысле?

– В прямом, Андрей. У меня создалось такое впечатление, будто их пропажа вообще никого не волнует. В Москве тишина, в том институте – тоже. Обычно же даже в новостях показывают, как кто-нибудь теряется или же арестовывается местными властями, хоть турист, хоть путешественник, а здесь – пятеро ученых пропали в джунглях, и никому до этого нет дела.

Андропова, выдернув последний проводок из пульта, закончила свою работу:

– Но ведь как-то же узнали, товарищ генерал, – заметила она.

– Узнали. Но узнали довольно странно. Ко мне пришла супруга одного из пропавших. Она моя давняя знакомая, учились вместе, так сказать, за одной партией сидели. Так вот пришла вся в слезах и говорит – помоги, мол, а то вообще что-то непонятное творится, пропал человек, уже какую неделю не звонит, хотя обещал каждый день весточку присылать, и никого это не волнует, никому до этого дела нет. В полиции заявление приняли, и никаких вестей, говорят: дескать, да, поможем, да, найдем. И на этом вся помощь кончилась. В институте руками разводят, советуют в полицию обратиться, мы якобы и сами ничего понять не можем, фирма уверяет, что все будет хорошо и ученые вернутся домой в срок. Типа временные проблемы со связью. И что характерно: знакомая моя, когда ее муж звонил последний раз, слышала какие-то странные звуки, похожие на стрельбу, именно после этого связь-то и оборвалась.

Генерал остановился посреди комнаты, поднял вверх указательный палец, привлекая к своим следующим словам внимание:

– А вот когда я по своим каналам надавил на соответствующие службы и ведомства, тогда все и зашевелились. По новостям передали, президент даже что-то высказал недовольное по этому поводу, переживать начали, местные ангольские власти поиски затеяли, пятое-десятое. Не приди ко мне супруга одного из пропавших, получается, так бы все и спустили на тормозах, через месяц и вовсе забыли бы, что в Анголе пятеро ученых-химиков затерялись. Странные дела творятся, вот что я вам скажу. Странные.

Лавров переглянулся со Свешниковым. Заметил:

– Видимо, кому-то было очень нужно, чтобы пропавших не стали искать, товарищ генерал. Иначе и не скажешь. Какая-никакая, а ниточка у нас уже есть, осталось только вылететь в Анголу и искать там. Как говорится, на месте разбираться... Даже если и просто потерялись в сельве, вполне возможно и такое, то своих бросать не принято, надо вырывать.

– Я с тобой полностью согласен, Андрей. Потому и прилетел сюда еще вчера вечером, не став дожидаться возвращения группы в часть. В принципе, я мог бы передать это дело в другое ведомство, но думаю, что времени терять не стоит, надо как можно скорее найти пропавших, пока заинтересованные в их пропаже и вовсе концы в воду не спрятали.

Главком ВДВ вновь стал мерять шагами помещение, заведя старую песню, как обычно:

– Тем более что кто с этим справится, если не мы? У тебя, майор, и группа готовая есть, не в одиночку будешь искать, так что давай, поставь джунгли на уши, ты это умеешь, не раз делал, да и капитану Ангола знакома, думаю, не впервой в тех местах бывать доведется.

Свешников повертел в руках прибор ночного видения. Вдохнул:

– Ангола – это, конечно, дом родной, но выспаться-то хоть успеем перед вылетом, товарищ генерал?

– В самолете выспитесь, мужики. В общем так – посоветуйтесь, рассудите, что почем, ну а потом выдвигайтесь на «Березу-2», борт с гуманитарной помощью уже ожидает. Оттуда...

Втроем посмотрели на мгновенно нахмурившуюся Андропову, не понимая причины выражения ее лица. Генерал, остановившись, озадаченно поинтересовался:

– Что-то не так, Наталья Максимовна?

– Все так, – продолжала она хмуриться. – Но только создается ощущение, что меня, женщину, здесь попросту никто не видит.

Свешникову представился случай ответить колкостью на недавнее замечание Андроповой, и он не растерялся:

– А что? Мужик в юбке, вылитый, только что спереди что-то выпирает, но думаю... думаю, это от постоянных посещений силовых тренажеров. Ладно бы женщина была, тогда да, тогда спросили бы насчет джунглей; мол, а как вам, мадемуазель, поездка в страну зубатых, ядовитых, чернокожих и революционно настроенных?

Старлей фыркнула.

– Хамло усатое.

Лавров усмехнулся, вполне понимая, о чем шла речь, но не стал ничего пояснять. Слов капитана было вполне достаточно, пусть и грубовато сказано, но практически в самую точку. Третий участник группы только с виду хрупкая женщина, за ее плечами много чего уже было, и джунгли, и степи, и горы, и пустыни. В космосе разве что не была... но это, думается, только временно.

Генерал был с майором согласен. Вытащил из небольшого кейса папку с собранными материалами по предстоящему делу, пожал руки всем троим и в отличном расположении духа покинул объект.

Еще бы – спор с генералом от соседнего ведомства выигран, хотя тот заверял, что его хлопцы и муху не пропустят, и таракана вычислят, и вообще ВДВ только типа десантируется хорошо, а в остальном – так себе, средненько. В итоге – конкретно охраняемый объект взят в считанные минуты, потерь нет, операция проведена изумительно. Даже в обговоренное время уложились. Молодцы!

На крыльце повстречался недавний полковник. Он выкуривал, наверное, уже пятую сигарету, все никак не мог унять нервы. На лице много чего написано, от растерянности до озадаченности, видно, что пережить и обдумать пришлось многое. Хотя поначалу не верил, что вверенный объект смогут взять всего лишь трое десантников, смеялся наверняка мысленно. Вот и получил за неверие.

– Ну что, полковник, убедился? – Главком остановился и тоже закурил. Выпустил дым. – Я ведь тебе говорил, что все будет так, как мною задумано.

– Убедился, – плечи поникли. – Но ведь трое же всего, как они смогли? Объект почище военной базы охранялся, три кольца охраны в лесу, КПП, радарная установка, датчики движения в радиусе километра, сигнализация... Как смогли? Не под землей же пробрались?

– Зачем под землей? Это же не подземная авиация сухопутных войск, логично?

– Логично. Но как тогда?

– А как еще ВДВ может объекты брать, полковник?

– Небо было чистое, не из космоса же прыгали.

– А ты вспомни хорошенько, полковник, про гражданский борт, тогда и поймешь.

Полковник снял фуражку, поскреб затылок, прикидывая, еще и глаза к небу задрал. Опустил:

– С такой высоты? Но это же нереально! Тем более борт вообще в стороне шел...

Генерал поднял вверх указательный палец:

– Для спецназа ВДВ ничего невозможного нет. Запомни эту истину, полковник.

С фотографий на десантников смотрели пятеро: четверо мужчин, трое молодых, один уже в годах, и женщина средних лет, чем-то похожая на Андронову. Свешников хотел было даже пошутить насчет родства, но Лавров погрозил кулаком, вполне поняв, про что капитан собирается сказать. Надо было быть предельно собранными, впереди довольно сложное дело, Африка весельчаков не очень уважает, и шуточки здесь неуместны. Тем более Ангола, богом проклятое место... Потом уж, как вернутся, пусть хоть глаза друг другу выцарапают, а сейчас надо быть серьезнее.

– И какого хрена их в ту степь понесло? – Свешников повторил свою недавнюю характеристику поступка пятерых охотников, отправившихся за открытиями. – Неужели поближе негде кусты и деревья в микроскоп рассматривать? На крайний случай могли бы и в спокойный район планеты поехать, в ту же Южную Америку, например...

– Нашел спокойное место, – старлей поморщилась. – Еще неизвестно, где спокойнее.

– Нет, но Ангола... Там либо аборигены живут, тем деваться некуда, либо искатели приключений на свою задницу обретаются, в погоне за деньгами и наркотой. Мирные и культурные там в большой редкости.

Батяня развел руками, откладывая фотографию пожилого ученого, того самого, чья супруга взволновалась и посетила главкома ВДВ.

– Тебе же сказали, Антон, ученые в последнюю очередь обращают внимание на социальную обстановку в районе исследований. Им же что – микроскоп в руки и образцы под нос, все остальное их мало заботит.

– Ну не знаю... все равно это выглядит странно. Какой нормальный человек поедет туда? Если что вот такие, охочие до открытий, причем одинаково охочие...

Андропова сгребла все фотографии в кучу, демонстративно потрясла ими в руке и кинула на описание рода занятий. Пояснила:

– Они не только в этом схожие. Все пятеро занимаются не какими-нибудь изучениями травок и кустов, а вполне реальным производством лекарств на основе веществ, получаемых из этих самых растений. Это я к тому говорю, что исчезнуть они могли только по причине рода своей деятельности – либо залезли куда не надо своим ученым носом, либо заинтересовали местных наркобаронов своими исследованиями. Тем же отморозкам что надо? Из дерева кока вытаскивать все полезное, а пятеро образованных ученых могут такого понавытаскивать, что скоро на черном рынке какая-нибудь новая наркота выплывет. Это вам не местные работяги, без фантазии и знаний, это ученые. Причем из России. – Она немного подумала, потом поправилась: – Ладно, пусть это чертово дерево кока и в Южной Америке произрастает, но разве мак в Африке не растет? Конопля та же? Из этого растения тоже много чего вытащить можно.

Капитан не согласился:

– Это ты загнула, Наталья. Зачем идти таким сложным путем? Можно и вполне официально нанять нужных специалистов, для чего кого-то похищать? Нанял и дал задание, пусть работает, деньги зарабатывает. И не из-под палки иль под дулом пистолета, а вполне в нормальных условиях и в соответствии с собственными интересами. Тем более наших сограждан не особо-то и заставишь под дулом пистолета работать.

– Не все же такие упертые, как... – старлей не стала договаривать, кто именно. Перевела все в шутку: – Как Павлик Морозов, кое-кто может и за свою жизнь побаиваться. Тем более среди пропавших – женщина.

– Да. Не все же женщины такие, как... – Капитан, прекрасно понявший все недосказанное Андроновой, добавил в похожем ключе, малость с перчинкой: – Как Зоя Космодемьянская. Кое-кто может и за свою... э-э-э... переживать. Н-да.

Батяня погрозил кулаком обоим, чуть к носу не поднес.

– Серьезнее надо быть. Впереди не прогулка по магазинам и паркам. Через несколько часов уже в самолете сидеть будем, и не в Лас-Вегас он полетит, а в Африку. Да, я вполне понимаю, что нервы и разыгравшийся в крови адреналин легче успокоить посредством шуток и взаимных колкостей, но это было бы возможным только в случае, если бы мы не встречались с генералом. Посему – успокаивайтесь и начинайте выдвигать предположения.

– Да что тут думать? – отмахнулся капитан. – На месте разберемся. Может, ученые и вовсе в джунглях заблудились, а пока прилетим – уже к людям выйдут.

Андропова удержалась от реплики, но все же всем своим видом дала понять, что усатый сказал глупость.

– Ангола – это не подмосковные леса, Антон. Сам прекрасно знаешь, что если ты посреди сельвы встретил незнакомых людей, то лучше провожать их пристальным взглядом и заряженным автоматом, иначе там навсегда и останешься. Тем более и эта фирма-однодневка московская завязана, наверняка что-то здесь неладно... Одно я знаю – в джунглях люди просто так не теряются. Там либо сожрали, либо в плен взяли. Третьего не дано. За исключением Тарзана, конечно.

Старлей демонстративно подняла глаза к потолку, как бы вспоминая. Опустила их.

– Интересно, у этого самого человека-обезьяны усы росли вообще? Или у обезьян они...

Лавров устало вздохнул. Решил тоже пошутить, но по-своему:

– Не знаю, как насчет усов, но до аэродрома придется бежать в полной выкладке. Думаю, за несколько часов успеем. Вернее нет, успеете вы оба, а я поеду на машине. По прибытии можно будет закончить обсуждение предстоящей операции, думаю, все посерьезнеют к этому моменту.

Свешников, наградив Андронову тяжелым взглядом, в знак примирения показал ладони рук:

– Молчим, товарищ гвардии майор. Как рыбы молчим.

Батяня понимал, что разыгрываемый сейчас спектакль между членами группы действительно помогал расслабиться. Есть, конечно, и другие способы снять напряжение, такие как драка, алкоголь и прочее, но они сейчас неприемлемы, надо быть крайне собранными. Поэтому немного обнадежил, указав на расстеленную карту:

– Думаю, в дороге можно будет немного развеяться. Все равно не напрямую отсюда полетим в Анголу, скорее всего, и морем придется прокатиться. Так что разрешаю немного отдохнуть после полета. – Строго глянул на обоих. – Но только культурными методами. Немного алкоголя и сон.

Андропова заикнулась было про другие методы, но Свешников, не удержавшись, ее опередил:

– Это после, Наталья. Как приедем, так и... и все туземцы в джунглях, которых в плен возьмем... э-э-э...

Он смолк под пристальным взглядом старшего группы. Даже взгляд опустил в пол.

Майор, немного помолчав, вновь указал на карту:

– Прилетаем-приплываем, там можете даже рожи друг другу разбить, удерживать не буду. Но сейчас еще раз попрошу быть собранными, дело предстоит тяжелое, перекопать придется много, может быть, и пострелять доведется. Прекрасно понимаю, что всем требуется отдых и покой, но понимать надо и то, что... впрочем, ладно, на месте разберемся. – Батяня встал, ногой задвинул стул. Закончил: – Ну что же, пора выдвигаться.

– Да, пора уже, – старлей взяла со стола ноутбук, тоже поднялась. Капитана так и сверлила глазами. – Не то прямо здесь передеремся. С... с этой усатой белкой-летагой.

Группа собрала разложенные бумаги и фотографии в папку, подобрала снаряжение и двинулась к выходу. Впереди ждала Африка и неизвестно какие приключения. Кто бывал хоть раз в джунглях, не в туристических, естественно, поездках, тот знает – какие и сколько...

Машины с водителем вызывать не пришлось – у ворот КПП уже ждал заранее нанятый Андроновой частник, что и привез ее сюда. Он бы, конечно, давно уже смылся, как только притворявшаяся пьяной красавица начала укладывать пятерых ошарашенных охранников, но получил строгий наказ никуда не исчезать, иначе... Вот и не решился уехать, стоял ждал возвращения столь необычной «пассажирки». Увидев, что она не одна, запаниковал было, еще бы – два мордоворота в черном и при оружии, но старлей быстренько его успокоила, сообщив, что все нормально и бояться нечего. Свою лепту в дело успокоения водителя внесли и оклемавшиеся к этому времени охранники – уже не злые, а вполне общительные: даже с кулаками не полезли, наоборот, едва ли не по струнке вытянулись перед старшим лейтенантом.

Батяня скользнул взглядом по ссадинам на лицах и еще не вполне уверенным движениям пострадавших, но ничего говорить на этот счет не стал. А вот Свешников не удержался.

Нарочито внимательно всех оглядел, подойдя, хлопнул двоих по плечу, чуть не свалив, и участливо спросил:

– Как самочувствие, мужики?

Отозвались неуверенно: нормально, типа...

Капитан скорчил еще более участливую мину, краем глаза наблюдая за прищурившейся девушкой. Поделился:

– Это вам еще повезло, мужики, даже переломов не получили. Вот, помню, в прошлый раз... – Выдержал небольшую паузу. Сделал невозмутимое лицо: – Ладно, не будем о страшном.

Прошел мимо уже злой Андроновой и спокойно сел в машину.

Водитель дождался, пока все трое сядут в автомобиль. Завел двигатель, вопросительно глянул на усевшуюся спереди Андронову:

– Куда теперь? Еще кому-нибудь кости ломать?

Лавров привлек к себе внимание, тронув за плечо:

– Поехали, дорогу потом покажем. Все равно не знаешь такого адреса.

Водитель повернул голову к Батяне, хмыкнул:

– Я в Подмосковье каждый угол знаю.

– Лады, – не стал спорить майор. – Поехали на военный аэродром «Береза-2».

– Э-э-э-э...

Батяня усмехнулся, глядя на растерявшегося частника:

– Я же тебе говорил.

На аэродроме уже ожидал главком ВДВ, вдобавок какой-то незнакомый полковник ГРУ, так и не назвавшийся. Он сразу приступил прямо к делу. Расстелил перед переодевшимися в гражданскую одежду десанниками здоровенную карту мира, вооружился указкой и начал рассказывать, каким путем группе лучше всего добраться до Анголы. Напрямую, естественно, не выходило, поэтому предстояло лететь с грузом гуманитарной помощи до Бенина, это государство местное, небольшое, ну а уж оттуда – как и предсказывал Батяня – морем до Луанды.

Лавров указал прямую линию до этой столицы.

– А почему бы не сразу туда? Если ангольские власти знают о нас, даже способствовать намерены, то чего бы и не напрямиком?

Полковник пожал плечами. Оглянулся на главкома, но тот хранил молчание. Поделился информацией:

– Для этого необходимо ворошить местных резидентов, чтобы подготовили для вас снаряжение. Сами понимаете, с этим делом возникнут всяческие проблемы. Так что проще вам лететь именно таким маршрутом, с уже готовым снаряжением. Сбросим вас в Бенине, оттуда уже своим ходом двинетесь. Местных таможенников предупредим, «зеленый коридор» вам обеспечим.

Главком заговорил, добавил от себя:

– Местные власти обещали помочь, но сами знаете, что возникают непредвиденные трудности... – Посмотрел на Лаврова в упор: – Ты сам, Андрей, прекрасно знаешь, какое у них оружие. В прошлый свой визит в те края сколько матом ругался, когда даже «АКМ» подводил?

Лавров припомнил. Невольно нахмурился: еле ноги унес, когда выданное местными властями оружие отказалось стрелять, причем все.

– Понимаю.

– Возьмете российское, так надежнее.

Теперь все трое сделали недовольные лица. Генерал это заметил, но никак комментировать не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.